

ЖЕНОТДЕЛОВКИ НА УРАЛЕ (1919 – ЯНВАРЬ 1930 ГОДА)

М.И. Мирошниченко

В статье освещены процессы формирования в ходе становления и развития женской работы на Урале в 1919–1930 гг. слоя ответственных организаторов по работе среди женщин, дана характеристика его структуры, источников пополнения; выявлены основные направления работы женотделовок, уровень их политической подготовки. Показана эволюция настроений женотделовок; установлены имена деятельниц советского женского движения в крае.

Ключевые слова: женщины; пролетарское женское движение; отделы по работе среди женщин; женотделовка; история Урала.

Социальные ресурсы власти являются одним из важных источников политического влияния на массы. Небезынтересен советский опыт использования женского активизма как средства прямого политического воздействия на наиболее энергичную часть женщин с целью формирования нового содержания национально-культурных смыслов бытия [1] в структуре

менталитета большинства населения либо непосредственно, либо опосредованно, через социальные сети. Наиболее активную и мобильную часть коммунисток составляли женщины – «ответственные работники среди женщин», хотя эту должность в начале 1920-х годов изредка могли занимать (а в казачьей среде первоначально исключительно занимали) мужчины. Должность женотделовок и некоторые должности женорганизаторов более низкого уровня были единицами номенклатуры, то есть включались в перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались и утверждались данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т.д.).

Слой женорганизаторов складывался по мере создания женотделов (которые стали организовываться на Урале, по мнению А.К. Тертышного, вскоре после разгрома в регионе колчаковщины [2, с. 40]) и исчез после ликвидации женотделов. Челябинским губернским организационным бюро 8 октября 1919 г. была выделена ответственный работник для работы среди женщин тов. Голубева [3, с. 56]. Кадры женотделовок были постоянно востребованы. Так, в Екатеринбургском уезде с 1 марта по 15 апреля 1920 г. было организовано 47 женотделов, из них 10 районных и 37 уездных [2, с. 45]. К июлю 1920 г. в Челябинской губернии женотделы имелись при всех шести уездных комитетах [2, с. 81]. На них возлагались самые различные функции: от особенно широких организаторских (организация общих женских собраний, делегатских собраний, собраний коммунисток, проведение волостных, уездных, губернских, а позже районных, окружных и областных совещаний по работе среди женщин, съездов) и идеологически-пропагандистских до финансовых. Так, в конце декабря 1920 – начале января 1921 г. во время Недели ребенка заведующая женотделом Бакальской организации Саткинского района Златоустовского уезда Елистратова составляла подписной лист и обходила с ним население, собирая пожертвования [4, л. 13]. С 30 декабря 1920 г. заведующей Саткинским районным женотделом была выбрана Анна Дмитриевна Подосенова [4, л. 29; 5, л. 24]. На женском собрании при заводе «Магнезит» 20 апреля 1921 г. с участием 43 женщин она объясняла женщинам, что «нужно сходить на собрание в женотдел и где все решат все ваши обиды и где вам помогут» и пояснила, «что тем, кто не может сходить в женотдел, нужно собираться на заводе» [4, л. 37].

Работа членов женотделов была связана с частыми командировками. В январе 1922 г. после приезда делегатов с IX Всероссийского съезда Советов (проходившего 23–28 декабря 1920 г.) и XI всероссийской партийной конференции (состоявшейся 19–22 декабря 1921 г.) на места были направлены члены коллегии Пермского губернского женского отдела: в Чердынь поехала Исаева, в Кунгур – Тропинина, в Осу – Белова, по поводу Оханска было решено просить уходившую в отпуск Леоникову собрать сведения о работе в Оханском уезде и проинструктировать соответствующих работ-

ников. На 2 января 1922 г. коллегия Пермского губернского женотдела работала в составе 7 человек (Исаева, Белова, Тропинина, Круглова, Бояршинова, Ковязина, Маркова), но с 10 января 1922 г. в связи с тем, что работа делегатов не оплачивалась, было решено создать узкую коллегию из 3 человек. В нее вошли Исаева, Белова, Тропинина [6, л. 2]. Частые дальние разъезды определяла и большая протяженность региона. К примеру, в марте 1922 г. члены коллегии Пермского губженотдела выезжали в Чусовую, Лысьву, Кизел и Чермоз [6, л. 78]. Женотделы вели активную переписку с центром. Как отмечалось на XI Пермском губернском совещании по работе среди женщин 10 октября 1922 г., заведующая Пермским губженотделом Исаева получила от Центрального Отдела Работниц при ЦК РКП(б) около 20 циркуляров в развитие постановлений XI съезда и о проведении разных кампаний и отправила в Центр 22 письма и запроса, на которые были получены ответы. При этом на запросы о присылке работников указывалось, что работа в Пермской губернии «не слаба и работников не будет высылаться». За все время был прислан 1 работник [7, л. 33]. От Центрального Отдела Работниц на XI Пермское губернское совещание приехала Серафима Тимофеевна Любимова (1898–1970 гг.) [7, л. 29], инструктор Отдела по работе среди женщин ЦК РКП(б) в 1922–1923 г.

Волкомандированная в Верхнеуфалейский завод Екатеринбургского уезда Екатеринбургской губернии тов. Воронина – представитель отдела по работе среди женщин при волостном комитете РКП(б) – с 28 по 31 октября 1922 г. провела собрание коммунисток по вопросу о работе среди женщин (на нем был выделен волорганизатор), а также общее собрание работниц с участием 200 женщин, организовала беседу с делегатками, в конце которой женщины пели революционные песни [8, л. 54 об.]. Слой волорганизаторов был довольно широк. Так, в Екатеринбургском уезде в 1922 г. из 60 волостей волорганизаторы имелись в 32 (более – в заводско-промышленных) [8, л. 94 об.]. Были и женщины-инструкторы по работе среди женщин [2, с. 44].

Уже в первые годы работы выяснилась следующая особенность, замеченная заведующей Екатеринбургского уездного женотдела З.Н. Красильниковой 3 октября 1922 г.: «Как показал опыт, работу среди женщин можно поставить только тогда, когда работник среди женщин будет освобожден от других обязанностей и лучше всего переведен из своей волости в другую» [8, л. 54]. В таком случае женработник [видимо, воспринимаемая не как баба или девка из своей деревни, соседка или жительница соседней улицы, а как ответственный работник, «командированный из волости товарищ» – М.М.] пользовалась большим влиянием. С учетом этого обстоятельства Екатеринбургским губернским отделом работниц был назначен ряд таких перебросок [8, л. 54].

Работницы женских отделов в русле общей тенденции милитаризации получали начальную военную подготовку. Так, в ноябре 1922 г. в Пермской и других губерниях Урала заведующие губженотделами были направлены для обучения в ЧОН – части особого назначения, это военно-партийные отряды, создававшиеся при заводских партийных ячейках, районных, городских, уездных и губернских комитетах партии с апреля 1919 г. по 1924 г. для оказания помощи по борьбе с контрреволюцией [6, л. 49].

Вопрос о работе среди женщин сразу попал в круг политических дискуссий и среди самих коммунисток. Такое разделение позиций было характерно и для Урала. Часть коммунисток края – к ним относились те, кто стал заниматься партийной работой еще до 1917 г., – выступали резко против особой работы среди женщин, старались ее всячески избегать, но, подчиняясь партийной дисциплине, выполняли ее; другие – и их среди старых партиек было меньшинство – становились ее сторонницами. Несмотря на множественные прецеденты публичных дебатов в научной сфере, эти дискуссии остались нераскрытыми в советской историографии [9, с. 9].

Жесткую борьбу заведующим женотделами пришлось выдерживать в 1922–1923 гг., когда развернулись острые дискуссии с работниками исполнительных комитетов Советов по вопросу о вовлечении женщин в работу в советских органах власти. Отголоски этих дискуссий звучали в выступлении делегатов Уральского областного совещания [10, с. 38].

10 января 1923 г. на заседании Секретариата Уралбюро ЦК РКП(б) Васильевым был сделан доклад по вопросу 4 «Тезисы по работе среди женщин» [11, л. 23]. В феврале 1923 г. в Уралбюро ЦК при участии Моисея Марковича Харитонов, занимавшего с декабря 1923 г. по июль 1925 г. пост первого секретаря Уральского обкома партии, был утвержден штат отдела по работе среди женщин (3 работника, в том числе 2 ответственных, 1 технический) и создана совещательная коллегия при отделе в составе семи человек (заведующего организационным отделом и заведующего агитационно-пропагандистским отделом Уралбюро ЦК, заведующего Уральского бюро ВЦСПС, представителя от Уралбюро Российского Коммунистического Союза Молодежи, заведующего Екатеринбургским губернским женотделом и двух ответственных работниц Отдела работниц Уралбюро ЦК). Первое заседание этой коллегии, на котором был проработан план на март-апрель месяцы, состоялось в конце февраля 1923 г., и с марта 1923 г. Отдел Работниц Уральского бюро ЦК РКП(б) приступил к выполнению работ, намеченных планом и комиссией областного партсовещания [11, л. 15].

По утверждению А. Барановой и А. Сибирячки, первой заведующей Областным отделом работниц и крестьянок, который был создан при Уралбюро ЦК РКП(б) в январе 1923 г., была Тормосова [12, с. 86]. Однако нами в фондах ЦДООСО была обнаружена выписка из приказа № 1 засе-

дания Секретариата Уралбюро ЦК от 8 января 1923 г. В этом документе говорится о том, что по второму вопросу «Об организации при Уралбюро отдела по работе среди женщин» выступал Харитонов, постановили для руководства работой среди женщин по области организовать Отдел по работе среди женщин. Организацию и временное заведование отделом возложить на тов. Васильеву [11, л. 29]. 14 февраля 1923 г. на том же заседании Секретариата Уралбюро ЦК, когда было принято решение о создании коллегии при женотделе (вопрос 5 в повестке дня), был утвержден ее состав по учреждениям, а также персонально: в коллегию вошли назначенная завженотделом Тормасова [в таком написании – М.М.]; Васильева была переведена на должность заместителя завженотделом (возможно, с тем, чтобы предотвратить явную семейственность, поскольку в эту же коллегию был введен и заворготделом Васильев); членами коллегии при женотделе стали также заведующая Екатеринбургским губженотделом Уфимцева, представитель от ВЦСПС Маневич, от Агитпропа – Дорнбуш, конкретная кандидатура от Уралбюро ЦК РКСМ не была указана [11, л. 33]. Ставки оплаты труда ответственных организаторов (ответственных организаторов по работе среди женщин) были приравнены к соответствующим ставкам секретарей партийных ячеек и заведующих отделами районных комитетов РКП(б) [11, л. 33]. Первое заседание коллегии работниц Отдела работниц при Уралбюро ЦК состоялось 21 февраля 1923 г. [11, л. 30]. Согласно установившейся практике партийной работы, кадры часто перебрасывались из одного района в другой. Так, 29 сентября 1923 г. по решению Секретариата Уралбюро ЦК заведующая Челябинским губернским женотделом Торбакова [13, л. 6] и заведующая Пермским женотделом Постоногова были отозваны в распоряжение Уралбюро, Постоногова была снята со своей должности, предложение о ее кандидатуре для работы в Уралбюро было отклонено, она была направлена в Тагил [11, л. 23].

Диапазон политических взглядов женотделовок и других женорганизаторов (часто называемых женоргками) был более широким, чем у массы обычных женщин, хотя и носил пробольшевистский характер. Поскольку в практику их повседневной жизни прочно вошли различные многочисленные форумы (конференции, совещания, съезды), женорганизаторши были в курсе последних политических новостей. Играла свою роль и связь с Центром: как прямая связь Уралобкома с Центральным Отделом по работе среди женщин при ЦК РКП(б), так и связь последнего с окружками и женорганизаторами (к примеру, в Зауралье) [14, с. 15].

С переходом к окружной системе после районирования Урала 1923 г. появились должности заведующей окружным женотделом (завокржо), райорганизатора по работе среди женщин (в просторечье – «райорганизаторши»). Квалифицированных кадров часто не хватало. К примеру, в Верхнекамском окрженотделе в 1924 г. работал всего один человек,

средств не было. Однако авторитет женотдела был высокий. «Если трудно бывает подчас собрать на собрание женщин, то они буквально наводняют женотделы, ежедневно являясь за советами, ища защиты от мужа, отца, свекрови. Организатору по работе среди женщин чуть ли не больше [приходится] работать по защите женщин от домашнего гнета (выступать на судах, являться в качестве примирителя в семью обиженной, писать заявления и т.п., чем вести воспитательную работу с делегатками). Эта работа имела в глазах женщин гораздо большие реальные результаты, чем все доклады, таким именно путем держалась живая связь между женотделом и массами женщин», – отмечала женорганизатор [15, л. 8]. В течение всего 1924 г. недостаток квалифицированных кадров в Верхнекамском округе оставался довольно существенным: из семи районов только в трех были работники, на которых можно положиться, остальные нуждались в переподготовке. В Березовском районе не было ни одного сельорганизатора (сельского организатора по работе среди женщин), и направить туда работника без оплаты было невозможно [15, л. 16 об.]. Задача укомплектования районов квалифицированными работниками являлось первоочередной, но перспективы здесь были очень узкими. Кадровые вопросы поднимались на Третьем областном Уральском совещании по работе среди женщин, проведенном в сентябре 1924 г. [14, с. 16]. Неоднократные попытки организовать курсы сельорганизаторов, предпринимаемые руководительницей женотдела Верхнекамского округа, не были осуществлены из-за отсутствия материальных средств в Верхнекамском окружке. Поэтому ограничили расширенным совещанием женотделов с представлением районных и ячейковых организаторов, которое было созвано 20 октября 1925 г. [8, л. 15 об.]. С 1925 г. во всех районах округа имелись платные организаторы, а в Ленвенский район направлена райорганизатор, имевшая стаж практической работы в одном из крупных заводских районов (в Иваново-Вознесенске) и получившая краткосрочного теоретическую подготовку в Зиновьевском университете в Москве [8, л. 5].

Большие физические и психологические нагрузки зачастую негативно сказывались на состоянии здоровья женщин-женработниц. Так, в письме к Тормасовой от 24. 07. 1925 г. Волгина писала: «Я разбитая с дороги и сейчас чувствую себя неважно после выкидыша» [15, л. 25]. Смена кадров проходила и по такой сугубо женской причине, как уход «в декрет». Как отмечалось в том же письме Волгиной: «Сейчас горорганизатор у меня уходит в отпуск по беременности» [15, л. 27 об.].

С 1 января 1926 г. заведующие окружными женотделами получали заработную плату в размере 16 руб. [16, л. 109]. В 1926 г. стали назначаться ячейковые организаторы по работе среди женщин [17, л. 43]. В Златоустовском округе в 1926 г. работали женкомиссии (женские комиссии) [18, л. 143]. Женоргов в Златоустовском округе в 1926 г. насчитывалось 51 человек, в их числе все же оставалось 10 мужчин; женоргов – членов бюро

ячеек было 30 человек. Работа женщин-женоргов оценивалась как более слабая, чем работа мужчин-апоргов (организаторов агитационно-политической работы). Во многих организациях женорги не знали правильного курса женотдельской работы и многие из них были совершенно незнакомы с практической работой. В большинстве партийных ячеек Златоустовского округа на работу женоргов не обращалось достаточного внимания [19, л. 143, 147]. Должность инструктора по женской работе Уральского обкома ВКП (б) в 1927 г. занимала Абоимова [12, с. 118]. В связи с провозглашением лозунга «Раскрепощение женщин» наблюдался некоторый утопизм в представлениях о сроках этого процесса. Верилось, что это произойдет быстро, что появление «новой женщины» станет скорым результатом организационной и идеологической работы. Но практика опровергла эти воззрения. Со временем эйфория первых революционных лет постепенно стала исчезать. Типичными были настроения, выраженные заведующей Тюменским окружным женотделом Шеиной в своем письме в Уральский областной женский отдел от 7 апреля 1927 г.: «Среди крестьянок нет такого быстрого роста, как среди работниц, ...или это усталость..., или душа сама не знает, что нужно» [18, л. 55]. Употреблявшееся в обиходе ласково-снисходительное «крестьяночки», «бабы» [18, л. 55] заменяется «отсталыми, контрреволюционными женщинами».

Привычные наработанные механизмы деятельности женотделов со сменой экономического и политического курса в ходе свертывания новой экономической политики и осуществления социалистической индустриализации в виде скачка с последующим спадом и насильственной социалистической коллективизации сельского хозяйства были разрушены. В 1928 г. по настоянию руководителей ВЦСПС были закрыты женские организации в профсоюзах, хотя на совещании заведующих губернскими женотделами в 1926 г. женрота низовых партийных и профсоюзных организаций была четко разграничена [20, с. 133]. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 30 декабря 1929 г. И.В. Сталин выступил с заявлением, в котором он обосновал необходимость ликвидировать женотделы, мотивируя это интересами реорганизации аппарата по функциональному признаку. В январе 1930 г. по постановлению ЦК ВКП(б) «О реорганизации аппарата ЦК партии» в связи с перестройкой его работы по функциональному признаку Отдел ЦК РКП(б) по работе среди женщин был упразднен [20, с. 121]. Женотделы были реорганизованы в женские сектора отделов агитации и массовых кампаний партийных комитетов, просуществовавшие до 1933 г. включительно [21, с. 57]. Заведующей Женсектором отдела агитации ЦК ВКП(б) в 1934 г. была избрана Мария Александровна Шабурова (1902–1982 гг.) [20, с. 130], Маруся Карабаева (Шабурова) была видным деятелем уральского пролетарского женского движения, руководительницей Уральского областного отдела работниц и крестьянок в 1928 г., выдвигенкой [12, с. 117]. С мая 1930 г. по решению Президиума ЦИК СССР при испол-

комах создавались «комитеты по улучшению труда и быта работниц и крестьянок» [22, с. 79]. XVII съезд ВКП(б), состоявшийся с 26 января по 10 февраля 1934 г., признал возможным вообще отказаться от любых специфических форм работы среди женщин [21, с. 67]. В 1934 г. были ликвидированы Женсектор ЦК ВКП(б) и женсектора отделов агитации и массовых кампаний [20, с. 127]. Таким образом, создание и структурирование слоя женотделов связано со становлением сети подконтрольных РКП(б) женских организаций; должности которой оказались социальным лифтом, ступенями к переходу на различные вышестоящие посты.

Библиографический список

1. Хвощев, В.Е. Национально-культурные смыслы бытия в формате «soft & hard power» / В.Е. Хвощев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 19. – № 32. – С. 126–128.
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. П-334. – Оп. 1. – Д. 2.
3. ОГАЧО. – Ф. Р-11. – Оп. 3. – Д. 41.
4. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 176.
5. ОГАЧО. – Ф. П-334. – Оп. 2. – Д. 18.
6. Баранова, А. Женщины Урала в борьбе и за работой (Десять лет работы партии среди работниц и крестьянок на Урале) / А. Баранова, З. Сибирячка. – Свердловск: Отдел работниц и крестьянок и Истпарта Уралобкома ВКП(б), 1928. – 120 с.
7. ЦДООСО. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 351.
8. ЦДООСО. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 175.
9. Горнова, Г.Ф. Вовлечение женщин Урала в работу Советов (1923–1925 гг.) (По материалам Свердловского, Пермского, Челябинского и Тюменского округов) / Г.Ф. Горнова // Ученые записки Пермского ун-та. – № 215: Из истории партийных организаций Урала / отв. ред. Я.Р. Волин. – Пермь: ПГУ, 1969. – С. 33–46.
10. Бобкова, Р.А. Партийное руководство массово-политической работой среди женщин Урала в 1933–1934 гг. / Р.А. Бобкова // Труды Магнитогорского государственного горного ун-та. – Сб. 79. – Вып. 268. – Магнитогорск: МГГУ, 1976. – С. 56–68.
11. Тертышный, А.Т. Деятельность партийных организаций Урала по привлечению женщин к государственному управлению в годы Гражданской войны (1919–1920 гг.) / А.Т. Тертышный // Ученые записки Уральского ун-та. – № 103. Серия «История». – Вып. 18: Из истории партийных организаций Урала / отв. ред. Ф.П. Быстрых. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1970. – С. 38–56.

12. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 611.
13. Балакин, В.С. Советская наука в конце XXвека: исторические уроки сопротивления и восприимчивости ученых к воздействию внешнего социокультурного фактора / В.С.Балакин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 8–11.
14. Баикина, А.И. Деятельность партийных организаций Зауралья по вовлечению женщин в строительство социализма (1921–1925 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук / А.И. Баикина. – Свердловск, 1972. – 24 с.
15. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 4. – Д. 72.
16. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 598.
17. ЦДООСО. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 50.
18. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 4. – Д. 657.
19. Коваленко, А.И. Разработка партией ленинских идей о вовлечении женщин в социалистическое строительство / А.И. Коваленко // Труды Челябинского ин-та механизации и электрификации сельского хозяйства. – Вып. 70: Вопросы истории, экономики и философии. – Т. IV / отв. ред. И.Е. Ульман. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1972. – С. 72–86.
20. Костенко, Ю.А. Женское движение в России в 1920–1930-е гг.: дис. ...канд. ист. наук / Ю.А. Костенко. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 336 с.
21. Докладная записка Челябинского губернского Организационного бюро РКП(б) Центральному Комитету партии о проделанной работе (конец ноября 1919 г.) // Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919–декабрь 1920 гг.): документы и материалы / ред.-сост. С.Н. Корнеенков. – Челябинск: Книжное издательство, 1960. – С. 54–57.
22. ОГАЧО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 37.

[К содержанию](#)